

**Никифоровский Митрофан
Доремидонтович**

Русское язычество

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
М67

М67 **Митрофан Доремидонтович Н.**
Русское язычество / Никифоровский Митрофан Доремидонтович – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 130 с.

ISBN 978-5-519-99688-4

ISBN 978-5-519-99688-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

крещена русская земля въ христіанскую вѣру, у насъ еще и доселѣ остается очень много слѣдовъ нашей языческой старины—языческихъ вѣрованій, преданій и обрядовъ, не говори еже о чисто внѣшнемъ, можно сказать, языческомъ¹ отношеніи къ христіанству массы народной. Надлежащее знакомство съ русскимъ язычествомъ даетъ возможность сознательно относиться къ означеннымъ остаткамъ нашей старины,—понимать ихъ смыслъ и значеніе, ихъ силу и слабость, что изъ нихъ и почему особенно ^{уверднѣ} держалось и держится противъ истинной вѣры, въ чемъ, наконецъ, состоитъ отличительный характеръ искаженій, которыя производятъ они въ народномъ православіи,—а, очевидно, только подъ этимъ условіемъ возможенъ болѣе или менѣе надежный и прочный успѣхъ въ дѣлѣ искорененія въ народѣ темныхъ языческихъ воззрѣній и суевѣрій и водворенія на мѣсто ихъ христіанскихъ просвѣтительныхъ началъ и представленій.

Не смотря, однако, на такую важность изученія нашего язычества, у насъ въ духовной литературѣ, до послѣдняго времени, не обращалось на него надлежащаго вниманія. Наши древніе писатели, говоря вообще, съ омерзѣніемъ отвращались отъ народного язычества какъ отъ дьявольскаго обольщенія. Только немногіе обличители касались его—и то отчасти—въ своихъ поученіяхъ. Новѣйшіе церковно-историческіе изслѣдователи наши тоже игнорировали его, хотя и по другимъ причинамъ. Читая ихъ труды, можно подумать, что, по мнѣнію ихъ, язычество наше уже не существуетъ въ исторіи со времени Владиміра святаго и Ярослава мудраго, или, по крайней мѣрѣ, является съ тѣхъ поръ лишь въ видѣ печальнаго исключенія изъ общаго правила,—почему и не заслуживаетъ вниманія церковнаго историка. Въ нихъ по преимуществу, если не исключительно, излагается внѣшняя

¹ Ниже будетъ сдѣлано замѣчаніе о значеніи нравственнаго элемента и нудесничества въ язычествѣ.

исторія Церкви и обращается особенное вниманіе на официальное, такъ сказать, проявленіе у насъ церковнаго ученія и христіанской жизни, а не на то, какъ это ученіе и эта жизнь отражались въ сознаніи и практической дѣятельности нашего народа, въ народныхъ вѣрованіяхъ и нравахъ. Если въ нихъ и говорится о язычествѣ, то все въ этомъ отношеніи ограничивается лишь перечнемъ, съ большею или меньшею полнотою, нашихъ языческихъ боговъ и обрядовъ, безъ всякаго почти научнаго объясненія и соотношенія ихъ съ христіанствомъ въ исторіи. Только въ самое ближайшее къ намъ время наши духовные писатели стали серьезно относиться къ этому предмету. Какъ на лучшее сравнительно сочиненіе въ этомъ родѣ можно указать на статью, помѣщенную въ августовской книжкѣ Православнаго собесѣдника за 1865 годъ «о борьбѣ христіанства съ язычествомъ въ Россіи». Впрочемъ спеціального изслѣдованія о русскомъ язычествѣ наша богословская литература доселѣ еще не представляетъ.

Между тѣмъ—въ свѣтской литературѣ наша языческая старина разрабатывается, съ той или съ другой стороны, сравнительно съ давнихъ поръ. Правда, сначала и здѣсь ограничивались очень немногимъ.¹ За то въ послѣдующее, а тѣмъ болѣе въ настоящее время тутъ сдѣлано очень многое по этой части. Особенно замѣчательны въ этомъ отношеніи труды [*Костомарова, Шепкина, О. Миллера, Ицкова, Макушева, Котляревскаго, Срезневскаго, Буслаева* и, главнымъ образомъ, *Аванасьева*], Громадный трудъ послѣдняго «Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу» (три тома, изд. 1865—7 г.) представляетъ, можно сказать, послѣднее слово современной науки по этому предмету.

¹ Первые наши мифологи (конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія), кромѣ *Нолета, Чулковъ, Кайсаровъ, Гр. Глинка*, еще не сознавали важности своего предмета. Они слишкомъ вышше смотрѣли на дѣло и даже позволяли себѣ произведеніями собственной фантазіи восполнять пробѣлы въ памятникахъ родной старины, такъ одинъ изъ нихъ самъ признавно сознается въ этомъ (см. предисл. къ «Древн. религіи славянъ» Глинки, 1804).

На обработку его авторъ посвятилъ много годовъ. Нѣкоторыя его части были уже напечатаны раньше въ разныхъ поврежденных изданіяхъ (въ альмин. «Комета» 1851 г., въ «Отеч. Зап.» 1852 г. №№ I—III, «Изв. Ак. Н.» 1853 г., въ «Архивъ Калачова» и др.). Въ послѣднемъ изданіи онѣ пересмотрѣны авторомъ вновь, пополнены и исправлены согласно съ тѣми выводами, какіе добыты общими усиліями западныхъ ученыхъ миеологовъ-филологовъ *Макса Мюллера*, братьевъ *Гриммовъ*, *Куна*, *Вебера*, *Манарта*, *Шварца*, *Пикте* и др.¹

Само собою разумѣется, что свѣтскіе ученые разсматриваютъ наше язычество *съ своей точки зрѣнія*. Къ нѣкоторымъ вопросамъ аналогіи его съ христіанствомъ въ исторіи они относятся довольно рационалистически. Общихъ соображеній и выводовъ, въ этомъ отношеніи, почти совсѣмъ не касаются. Притомъ самый методъ изслѣдованія и способъ изложенія у нихъ этого предмета дѣлаютъ труды ихъ недоступными для обыкновеннаго читателя, не специалиста. Это особенно нужно сказать о сочиненіи Аванасьева. Во всякомъ случаѣ произведенія этихъ писателей заключаютъ въ себѣ богатый матеріалъ для изученія этого предмета и *съ богословской* или, лучше сказать, *съ церковно-исторической точки зрѣнія*.

¹ На основаніи этого труда и белорусскихъ пѣсенъ, съ объясненіями Басанова, явилась статья г. *Квакина-Самарина*, въ IV т. «Бесѣды» за 1872 годъ, «очеркъ славянской миеологіи», въ которой авторъ пытается изложить въ возможной полнотѣ и системѣ *главнѣйшіе* теогоническіе и космогоническіе мѣны славянскаго язычества, отступивъ иногда отъ объясненій Аванасьева и отчасти пополняя ихъ.

Изъ прочихъ нашихъ миеологовъ извѣстны: *Строевъ*, *Руссовъ*, *Касторскій*, *Щепкинъ*. «Миеологія русскихъ славянъ» (1815 г.) Строева представляетъ у насъ первый опытъ наученія внутренняго смысла и значенія народныхъ миеовъ и преданій. Но при тогдашней ограниченности и неразработанности нашихъ старинныхъ памятниковъ и вообще при тогдашнемъ состояніи миеологіи и филологіи нельзя было далеко уйти на этомъ пути. Съ болѣе широкимъ успѣхомъ трудились на этомъ поприщѣ другіе помнящіе здѣсь писатели. Впрочемъ и ихъ труды, какъ и нѣкоторыхъ послѣдующихъ, слишкомъ страдаютъ односторонностью и искусственной систематизаціей и вообще апіорностью въ выводахъ и объясненіяхъ.

Пользуясь этимъ матеріаломъ, въ виду важности предмета и пробѣла въ этомъ отношеніи въ нашей духовной литературѣ, изложимъ и объяснимъ, въ главныххъ чертахъ, все содержаніе нашего язычества, какъ религіи,¹ а въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о значеніи его въ нашей церковной исторіи, равно какъ и о тѣхъ общихъ выводахъ, какіе можно сдѣлать изъ его изученія по отношенію къ современной намъ церковно-практической дѣятельности.²

¹ Язычество, въ широкомъ смыслѣ, можно разсматривать не только какъ извѣстнаго рода *религію*, но и какъ извѣстный общественный и частный бытъ народа, что не составляетъ нашей задачи. Этой послѣдней стороны предмета мы коснемся лишь на столько, на сколько она выражаетъ нравственный элементъ религіи.

² Первоначальными источниками по нашему предіиу служатъ: а., *русскіе*—лѣтописи, цѣлостскія поученія и посланія, отреченныя книги, простонародныя праздники и обряды, также ваговоры, загадки, примѣты, пословицы, пѣсни, былинны, сказанія, легенды и вообще языкъ народа со всѣмъ разнообразіемъ областныхъ его нарѣчій а.; б., *иностранныя*—свидѣтельства (хотя впрочемъ немногія) Прокопія, Гельмольда, Ибнъ-Фонлана и др., равно какъ и мнѣскія сказанія прочихъ славянъ и другихъ родственныхъ народовъ, преимущественно литовцевъ и нѣмцевъ в. Объ относительномъ значеніи всѣхъ этихъ источниковъ подробно говорится у Макушева и Аванасьева.

а) Эти источники собраны, разработаны и изданы въ недавнее время. Въ этомъ отношеніи извѣстны труды Сахарова, Снегирева, Терещенко, — Бирюевскаго, Максимова, Безсонова, Дала, Тихондрасова, Пылина и Костомарова, — также изданія разныхъ ученыхъ обществъ и комиссій. Дѣло это, впрочемъ, далеко еще не окончено, что вообще нужно сказать и о прочихъ источникахъ.

в) Языческія вѣрованія и преданія въ основѣ своей и нѣкоторыхъ подробностяхъ одинаковы у всѣхъ народовъ, вслѣдствіе единства законовъ челоуѣческой природы и тожества первоначальныхъ историческихъ условій религіознаго развитія. По крайней мѣрѣ, это положительно извѣстно относительно народовъ индоевропейскаго или арійскаго племенн, къ которому принадлежатъ славяне. Повидно, послѣ этого, почему мы разсматриваемъ нѣши вѣрованія и преданія въ связи съ вѣрованіями и преданіями прочихъ славянъ и другихъ народовъ. Кроме того, что чрезъ это становится яснымъ, что общаго у насъ съ другими народами и что особеннаго въ этомъ отношеніи, — такимъ образомъ возстановляется еще подлинный смыслъ многихъ вѣрованій и обрядовъ, утратившихъ свое значеніе въ нашихъ памятникѣхъ. При этомъ, кстати замѣтимъ, что въ настоящее время большинство ученыхъ считаетъ *славянъ* и *литовцевъ* ближайшими родственниками (по времени выдѣленія изъ общей прародинны) *германцевъ*, меньшинство же совершенно отвергаетъ такое родство и относитъ эти два племена къ восточнымъ аріидцамъ. Мы держимся, вмѣстѣ съ Аванасьевымъ, перваго мнѣнія.

Содержаніе языческой религіи вообще можно раз-
сматривать, вопервыхъ, *въ отношеніи теоретическомъ*,
т. е., со стороны вѣрованій и представленій, и, во вто-
рыхъ, *въ отношеніи практическомъ*, т. е., со стороны культа
и нравственности. Съ этихъ сторонъ мы и рассмотримъ
наше язычество.

I.

Языческія вѣрованія и представленія вообще имѣютъ
свою исторію, начало которой восходитъ къ незапамятной
эпохѣ арійцевъ. Но прослѣдить за ихъ развитіемъ шагъ
за шагомъ чрезвычайно трудно, да и едва ли возможно.
Мнеологія не знаетъ хронологіи. «Память о языческой
старинѣ», говоритъ Афанасьевъ, «доносимая намъ въ уст-
ныхъ преданіяхъ и символическихъ обрядахъ, сливается
въ частности во едино, и разомъ, въ нелегко-разрывае-
мой связи, передаетъ то, что создавалось въ теченіи мно-
гихъ и многихъ лѣтъ» (1,57). Несомнѣнно только, что
происхожденіе и развитіе ихъ, кромѣ врожденной чело-
вѣку *психологической потребности*,¹ и его *культурнаго раз-
витія*,² обуславливалось, съ одной стороны, *природою*
окружающихъ челоѣка *предметовъ и явленій*, съ другой,
и главнымъ образомъ, *звуками его роднаго языка, исторіей
последняго*,³ при чемъ важное значеніе имѣла и такъ на-

¹ Въ силу этой потребности, какъ извѣстно, челоѣкъ *по природѣ ищетъ* «
Бога (представляя Его такъ или иначе, сообразно уже прочимъ условіямъ
религіознаго развитія) и ставитъ разные космогоническіе вопросы (раз-
рѣшая ихъ опять таки различно, сообразно тѣмъ же условіямъ)».

² «Идеи, вызываемыя историческимъ движеніемъ жизни и образованіемъ,
обыкновенно овладѣваютъ прѣстѣмъ мифическимъ матеріаломъ, болѣе или
менѣе видоизмѣняя и одухотворяя его». (Афанасьевъ).

³ «Богатый и, можно сказать, единственный», говоритъ Афанасьевъ, «ис-
точникъ разнообразныхъ мифическихъ представленій есть живое слово чело-
вѣческое, съ его метафорическими и созвучными выраженіями». Всякій
языкъ, какъ извѣстно, начинается съ образованія *корней* или тѣхъ основ-
ныхъ звуковъ, въ которыхъ первобытный челоѣкъ обозначалъ свои впе-
чатлѣнія, производимыя на него предметами и явленіями природы, — *жесто-*
писалъ, *пластически изображалъ* качества, признаки послѣднихъ. (Подобная

зывается *локализациа мифовъ*, перенесеніе ихъ съ неба на землю и наоборотъ, смѣшеніе ихъ (ib. 1, 1—15). Что же касается до ихъ исторіи, то въ этомъ отношеніи мы можемъ указать лишь на главные и самые общіе моменты, и то, большею частію, только предположительно.

По всей вѣроятности, первымъ моментомъ въ этой исторіи былъ *монотеизмъ физическій*. Лишенный божественнаго откровенія и предоставленный самому себѣ, человекъ на раннемъ утрѣ своего такъ называемаго до-историческаго существованія, первоначальную откровенную идею о единомъ, премірномъ, личномъ Божествѣ приложилъ къ видимой природѣ,—отъ которой, вслѣдствіе незнанія физическихъ законовъ, находился въ полной зависимости,—отожествивъ Бога съ послѣдпю въ ея цѣломъ. Какъ скоро умъ челоѣвческій сталъ различать предметы и явленія природы, монотеизмъ этотъ долженъ былъ перейти въ *политеизмъ*, который былъ, такимъ образомъ, шагомъ впередъ. Сначала политеизмъ, безъ сомнѣнія, былъ также чисто *физическій*—состоялъ въ непосредствен-

живописность языка слышится до сихъ поръ въ нашихъ областныхъ нарѣчіяхъ: *збуишъ*—неокрѣпшій грунтъ земли въ болотѣ, *стмоной*—мелкій, но продолжительный дождь, *листодръ*—осенній вѣтеръ, *миай*—глазъ, *сморкало*, *сопай*, *мошъ*—носъ и под.). Съ теченіемъ времени челоѣвческій слухъ утрачивалъ свою первоначальную чуткость къ произносимымъ звукамъ (въ силу долговременнаго употребленія, привычки), и челоѣвческое слово съ высоты повѣстическаго, картиннаго изображенія исходило на степень абстрактнаго наименованія, дѣлался не болѣе, какъ фонетическимъ знакомъ для указанія на извѣстный предметъ или явленіе, въ его полномъ объемѣ, безъ исключительнаго отношенія къ тому или другому признаку. Вмѣстѣ съ тѣмъ связь отдѣльныхъ представленій, державшихся на родствѣ корней, становилась недоступною, метафоры теряли свой повѣстическій смыслъ и принимались за простыя,isperевосныя, выраженія, и въ такомъ видѣ переходили отъ одного поколѣнія къ другому: понятныя для отцовъ, повторяемыя по привычкѣ дѣтьми, онѣ являлись совершенно неразгаданными для внуковъ. Съ другой стороны, подъ вліяніемъ разныхъ географическихъ и историческихъ условій, старѣли и вымирали прежде-употребительныя выраженія, оживали вѣтъ грамматическія формы, оди звуки замѣнялись другими, родственными, старымъ словомъ давалось новое значеніе... Вслѣдствіе всего этого исходный смыслъ древнихъ словъ и выраженій становится все темнѣе и загадочнѣе, и явился неизбежный процессъ мнѣстическихъ обобщеній и вѣрованій.

номъ обоготвореніи предметовъ и явленій природы (фетишизмъ). Обоготвореніе предметовъ осязательныхъ, видимыхъ, физически и постоянно существующихъ, по опредѣленности ихъ, удерживалось, вѣроятно, весьма долго въ первоначальномъ видѣ. Но обожаніе силъ, быстро проходящихъ явленій природы — не могло быть такъ прочно. Въ нихъ, какъ современемъ и въ видимыхъ предметахъ, человѣкъ долженъ былъ скоро различить то, что онъ видѣлъ, отъ того, что побуждало видимое къ дѣйствию, руководило имъ, внушало то или другое, словомъ—различить внутреннее отъ внѣшняго. Вмѣсто чисто физическаго политеизма должны были, такимъ образомъ, явиться отвлеченныя вѣрованія въ духовъ—этихъ невидимыхъ божествъ природы (*шаманство*). Сначала эти вѣрованія не имѣли никакого положительнаго содержанія,—съ невидимыми и невѣдомыми дѣтелями не связывалось никакихъ ясныхъ представленій, никакихъ опредѣленныхъ понятій, — одно только существованіе ихъ — безличное и безобразное—предчувствовалось смутно. Нужна была значительная степень образованности и большія усилія ума, чтобы облечь эти предчувствія въ какую нибудь форму, вложить въ нихъ какое нибудь содержаніе. Въ короткое время такой переходъ не могъ совершиться: онъ, очевидно, предполагаетъ развитіе сознанія и есть самъ по себѣ умственный или, лучше сказать, психологическій актъ, невозможный безъ воображенія, анализа и отвлеченнаго мышленія. Черты для созданія этихъ образовъ человѣкъ сначала, по всей вѣроятности, заимствовалъ отъ окружающихъ его предметовъ (такъ какъ естественнѣе вообще замѣчать прежде то, что внѣ насъ, а затѣмъ уже себя самихъ), особенно животныхъ (*зооморфизмъ*), а потомъ, съ развитіемъ сознанія о человѣческомъ достоинствѣ, и отъ себя самого (*антропоморфизмъ*). На этой степени развитія, по всей вѣроятности, является обоготвореніе душъ умершихъ людей...

Такимъ образомъ, съ теченіемъ времени боги получаютъ, вмѣсто стихійнаго, индивидуальный характеръ, становясь совершенно похожими на людей, низводятся на степень героевъ, подчиняются условіямъ народнаго быта, жизни, понятій. Между ними устанавливается іерархическій порядокъ; они дѣлятся на высшихъ и низшихъ, самое общество ихъ организуется по образцу человѣческаго, государственнаго союза, и во главѣ его становится верховный владыка съ полною царственною властію. Но ихъ образы, имена и атрибуты колеблются въ неопредѣленности до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, зодчество не установитъ различныя отбѣйки понятія или представленія того или другаго изъ нихъ и не окаменитъ ихъ, такъ сказать, однажды навсегда въ опредѣленныя формы—въ *идолы* или *кумиры*. Послѣдніе сначала служатъ только средствомъ для возбужденія благоговѣнія къ тѣмъ божествамъ, которыхъ они изображаютъ, символами ихъ, а потомъ, съ забвеніемъ ихъ первоначальнаго значенія, становятся сами предметами обоготворенія и поклоненія и, утративъ конкретное единство своихъ образовъ съ выражаемыми ими представленіями, принимаютъ совершенно индивидуальное значеніе покровителей и распорядителей тѣхъ явленій и силъ природы, съ которыми прежде были тождественны: это послѣдняя ступень въ развитіи языческихъ вѣрованій, послѣ которой слѣдуетъ періодъ разложенія ихъ.¹ (ср. Кавелинъ, т. IV-й полн. собр. соч., и Шеппингъ, «Міры сл. яз.»).

¹ Само собою разумѣется, что все это мы говоримъ *вообще*—относительно цѣлыхъ народовъ. Что же касается до отдѣльных личностей, то какъ уровень умственнаго и нравственнаго развитія, такъ и вѣрованія ихъ въ данный моментъ исторіи бываютъ разнообразны,—такъ что въ действительности въ одномъ и томъ же народѣ, въ одно и тоже время, можно встрѣтить вѣрованія разныхъ эпохъ. Нужно также замѣтить, что мы понимаемъ здѣсь язычество какъ непосредственно-естественную религію цѣлыхъ народовъ, съ характеромъ мифическимъ, отличая ее отъ религій съ характеромъ философскимъ, свойственныхъ всегда болѣе или менѣе познательной части общества. Съ послѣдними русское язычество не имѣетъ ничего общаго, какъ увидимъ далѣе...

Къ сказанному прибавимъ, что изъ всѣхъ явленій и силъ природы вниманіе человѣка, какъ скоро онъ сталъ различать предметы и явленія, должно было останавливаться по преимуществу на противоположныхъ явленіяхъ свѣта и тьмы, дня и ночи, тепла и холода, весны и зимы, жизни и смерти. Какъ существу живому, человѣку естественно чувствовать привязанность къ жизни и страхъ къ смерти. Обоготворивъ все свѣтлое въ природѣ, все связанное съ плодородіемъ и развитіемъ, онъ долженъ былъ инстинктивно, съ тревожною боязнью, отвернуться отъ всего, что казалось ему противнымъ творческому дѣлу жизни. Такимъ образомъ на первыхъ же порахъ политеизмъ долженъ былъ получить характеръ *дуалистическій*: должны были явиться два разряда божествъ—свѣтлыхъ и темныхъ, добрыхъ и злыхъ. Дуализмъ этотъ, сначала чисто-физическій, съ развитіемъ антропоморфизма получаетъ смыслъ нравственный. Съ теченіемъ времени являются самостоятельные представители царства свѣта и добра и царства мрака и зла. Впрочемъ абсолютный дуализмъ возможенъ только въ воплѣ развитыхъ и искусственно обработанныхъ религіяхъ (какова, напр., религія зендская).

Замѣтимъ также, что вообще первоначальныя языческія вѣрованія не представляютъ единства и системы. Противорѣчія и несообразности встрѣчаются въ нихъ часто. Одна и таже стихійная сила представляется въ нихъ, напр., существомъ и безсмертнымъ и умирающимъ, и въ мужскомъ и въ женскомъ полѣ, и супругомъ и вѣстной богини и ея сыномъ, и т. д., смотря по тому, съ какой точки зрѣнія смотрѣлъ на нее человѣкъ и какія краски придавалъ таинственной игрѣ природы. Впослѣдствіи уже поэты, ученые, жрецы перерабатываютъ старыя мифическія матеріалы и сообщаютъ ему систематическую послѣдовательность и стройность.

Наше, славяно-русское, язычество не успѣло еще достигнуть послѣдней степени развитія, какъ застигнуто

было христіанскою религією. Оно остановилось на переходной ступени отъ непосредственнаго поклоненія природѣ и ея силамъ къ поклоненію божествамъ болѣе или менѣе личнымъ. Въ немъ сохранились остатки фетишизма, но есть и значительные слѣды антропоморфизма. (Есть даже слѣды обоготворенія душъ умершихъ предковъ). Впрочемъ антропоморфизмъ этотъ носитъ черты еще чисто-стихійнаго свойства. Наши языческія божества еще не отдѣлились вполне отъ природы, живутъ болѣе или менѣе одною жизнью съ ней. Идолы у насъ извѣстны только нѣкоторыхъ боговъ и вообще очень молоды — большею частью деревянные (П. с. р. л. 1, 34—36, 50; V, 121) и иногда каменные (И. Р. Татищева, 1, 39; Пам. стар. русск. лит. 1, 221—2),—ихъ еще не успѣли украсить до Владиміра.

Искусственной переработки наши языческія вѣрованія тоже не испытали. Они носятъ характеръ чисто непосредственной естественности. Системы въ нихъ нѣтъ.¹ Противорѣчія, тождественные факты въ различныхъ представленіяхъ и олицетвореніяхъ, и наоборотъ, въ нихъ, можно сказать, на каждомъ шагѣ. Нашъ религіозный дуализмъ—не полный, не строго послѣдовательный, не абсолютный. Два разряда божествъ у насъ не вполне разграничены между собою. Божества эти носятъ двойственный характеръ, смотря по благотворному или вредному вліянію ихъ на жизнь человѣческую. Специальные, такъ сказать, представители двухъ царствъ — *Бѣлбогъ* и *Чернобогъ*, бывшіе, по свидѣтельству Гельмольда, у западныхъ славянъ, у насъ не успѣли вполне сформироваться и утвердиться въ народномъ сознаніи (такъ что наши старинные памятники о нихъ уже не упоминаютъ), хотя, безъ сомнѣнія, существовали нѣкогда и у насъ, какъ сви-

¹ Это чрезвычайно затрудняетъ изслѣдованіе ихъ, особенно его изложеніе: отсутствіе строгой системы въ послѣднемъ—неизбѣжно, если не хотимъ затемнить ихъ смысла.